

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

ГИГАНТ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ ДРУГИЕ КНИГИ ДЭВИДА БОЛДАЧЧИ:

СЕРИЯ «УИЛЛ РОБИ»

Невинная
Знаки
Миссия в ад

СЕРИЯ «АМОС ДЕКЕР»

Абсолютная память
Последняя миля
Фикс
Падшие
Искупление
Черная земля
Длинные тени

СЕРИЯ «ЭТЛИ ПАЙН»

Где моя сестра?
Минута до полуночи
Нити тьмы

СЕРИЯ «ТРЭВИС ДИВАЙН»

Ровно в 6:20

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

Абсолютная власть
Победитель
Чистая правда
Рождественский экспресс
Синяя кровь

Р О В Н О
В 6:20

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

Москва
2024

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б79

David Baldacci
THE 6:20 MAN

Copyright © 2022 Columbus Rose, Ltd.
This edition is published by arrangement
with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

Школа перевода
В. Баканова

Болдаччи, Дэвид.

Б79 Ровно в шесть двадцать / Дэвид Болдаччи ; [перевод с английского Е. Парахневич]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива).

ISBN 978-5-04-199130-2

Каждое утро без исключения ровно в 6:20 бывший капитан элитного десантного полка, а ныне финансовый аналитик Трэвис Дивайн, одетый в дешевый костюм и держащий в руке портфель из кожзама, садился в поезд и ехал на Манхэттен. Каждый вечер он отслеживал финансовые новости, готовясь к следующему ненавистному дню. Но однажды эта рутинная жизнь оказалась полностью разрушена одним-единственным анонимным СМС: «Она мертва»...

Сперва он даже не понял о ком речь. Но потом узнал новость — погибла его бывшая любовница, Сара Юс. Официальная версия такова: повесилась. Однако Дивайн ни секунды не верит в это. По дошедшей до него информации следы на теле однозначно свидетельствуют: девушку убили. Но с какой целью? Кому она могла навредить? А главное: почему кто-то неизвестный посчитал необходимым сообщить ему о смерти Сары?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199130-2

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Энтони Форбсу Уотсону,
моему талантливому британскому издателю
и дорогому другу.*

*Время, проведенное вместе,
позволило мне многому у тебя научиться:
не только писать книги и публиковать их,
но и разбираться во французских винах
и соблюдать моральные принципы.*

*Куда бы ни привела тебя дорога,
я всегда буду рядом.*

*Наша дружба продлится
до скончания веков, как и надлежит
всякой истинной привязанности.*

ГЛАВА 1

Трэвис Дивайн глубоко вздохнул и, стараясь не замечать утренней жары, нарастающей с каждой минутой, побежал к поезду в 6:20 так, словно тот был последним рейсом бортом из Сайгона¹. Сегодня утром он надел свой обычный потертый серый костюм с тусклым галстуком и мятую белую рубашку, которой не помешала бы стирка. Будь его воля, он предпочел бы джинсы с футболкой и армейские ботинки. К сожалению, там, куда он ехал, такой наряд был бы неуместен.

Хотя поутру он принял душ, по дороге успел вспотеть; на скорую руку причесал густые волосы. Побрился и надушился одеколоном неизвестной марки. На ноги надел дешевые мокасины с кисточками, начищенные со всех сторон. В портфель из искусственной кожи положил выданный компанией ноутбук с зашифрованной системой, использовать которую в личных целях строго-настрого запрещалось; в боковой кармашек кинул мятные леденцы и порошок от изжоги. Про маленькие таблетки, которые выдавались в армии, чтобы пехотинцы упорнее дрались, меньше спали и реже ели, пришлось забыть.

¹ Имеется в виду ситуация перед взятием этого города Народной армией Вьетнама и Вьетконгом, которые тем самым выиграли вьетнамскую войну 1955—1975 гг.

Теперь их надо было покупать за деньги, а стоили они немало.

Нынче главным оружием Дивайна вместо армейского карабина М4 и пистолета М9 стали два больших экрана, подключенные к зашифрованным серверам, где хранились огромные массивы данных. Финансовый анализ оказался крайне скучным занятием. Однако Дивайн понимал, что другого выбора у него нет.

В мире больших финансов царила одна простая истина: будь первым или проиграй. Сожри окружающих или умри с голоду. Вот и все. Ни тебе талибов, ни фанатиков из «Аль-Каиды», ни ИГИЛ¹, ни афганских солдат, притворяющихся друзьями, а на деле готовых всадить тебе пулю в затылок. Здесь все решали квартальные прогнозы прибыли, ликвидность, свободные и закрытые рынки, монополисты и олигархи, штатные юристы, вынуждавшие соблюдать закон, и биг-боссы, требовавшие его нарушать. Но страшнее всего были люди, сидящие рядом в офисе. Они стали для Дивайна заклятыми врагами. Победить должен был кто-то один. На Уолл-стрит действовали волчьи правила, жестче, чем в армии.

Дивайн ехал на юг, в центр города. Недавно, в тридцать два года, он кардинально поменял жизнь и теперь не знал, как воспринимать перемены. Хотя нет, знал. От новой жизни его тошнило. Значит, все шло по плану.

Он устроился на привычном месте: в третьем ряду, у окна справа. На обратном пути Дивайн всегда садился слева. Поезд неторопливо полз вперед, в отличие от своих пассажиров не проявляя особых амбиций. В Европе и Азии поезда бегали словно гепарды, здесь же плелись неторопливыми улитками. Впрочем, они все равно двига-

¹ «Талибан», «Аль-Каида», ИГИЛ — террористические организации, запрещенные в РФ.

лись быстрее машин, вечно торчащих в огромных пробках на въезде и выезде из города.

Целые поколения людей бесконечно ездили одним и тем же маршрутом, чтобы заработать на хлеб. Многие не выдерживали и умирали: от сердечного ли приступа, от инсульта или аневризмы, от неврологических расстройств или рака, от поражения печени из-за чрезмерного увлечения алкоголем, а то и просто в результате суицида, если не могли больше выносить подобного ритма жизни.

Дивайн жил в Маунт-Киско, в обшарпанном загородном доме, который делил с тремя соседями. Каждый из них тоже пытался добиться успеха, но Дивайн уходил по утрам самым первым, пока остальные еще спали.

Поезд неторопливо приближался к Манхэттену, и в него набивались пассажиры. Было лето, солнце давно встало, нарастала жара. Дивайн мог бы найти жилье поближе к офису, выкладывать кругленькую сумму за аренду и экономить время на дорогу. Однако он предпочел просторы зеленого пригорода, не желая окружать себя небоскребами и бетоном. Изначально он подумывал, не поселиться ли в Нью-Йорке, но неожиданно позвонила риелтор, узнавшая о нем от друга, и предложила отличное жилье в пригороде. Стоило оно довольно дешево, можно было неплохо сэкономить. В конце концов, это обычное дело — ездить на работу издалека, тратя несколько часов на дорогу.

Большую часть жизни Дивайну вбивали в голову одну простую истину. «Надо работать до упаду, — снова и снова повторял отец. — Ничто в этом мире не дается просто так. Пойми, наконец, и старайся. Посмотри на брата и сестру. Думаешь, им все легко досталось?»

Да, у Дивайна были старшие брат и сестра. Дэнни — сертифицированный нейрохирург в клинике Майо, Клэр — финансовый директор компании из списка «Фор-

чун»¹. Оба родились намного раньше него, сделали успешную карьеру и достигли высот, какие Дивайну не снились. Ему так часто это повторяли, что он и сам поверил.

Родился Дивайн по ошибке. То ли отец забыл про презервативы, то ли мать не поняла, что у нее задержка... в общем, Трэвис появился на свет неожиданно, чем изрядно озадачил всю семью. Мать сразу после родов вышла на работу — она была гигиенистом в стоматологической клинике отца. Все это, разумеется, Трэвис узнал намного позднее, но уже ребенком, в младенчестве, он почувствовал, что родители не слишком его любят. Их безразличие сменилось ненавистью, когда Дивайн окончил школу.

Точнее, когда его приняли в военную академию Вест-Пойнт.

Отец орал: «Хочешь играть в солдатики вместо того, чтобы выбиться в люди и заработать на кусок хлеба? Так вот, мальчик мой, с этой минуты ты сам по себе. Мы с твоей матерью содержать тебя не намерены!»

Впрочем, в армии Дивайну нравилось. Он окончил Вест-Пойнт, прошел школу рейнджеров, успешно сдал экзамены и нормативы. Хуже всего давался недосып: когда поутру объявляли подъем, Дивайн, как и все товарищи, с трудом разлеплял глаза. И все-таки он справился. Получил нашивки и стал членом элитного Семьдесят пятого полка. Там оказалось сложнее, чем в школе рейнджеров, но Дивайну нравилось служить в войсках специального назначения и участвовать в опасных операциях.

Он многого достиг и написал о своих заслугах родителям, рассчитывая на похвалу. От матери ответа так и не дождался. Отец удосужился прислать письмо, где интересовался, в каком национальном парке он будет служить охранником? Внизу приписал: «Гордый отец мед-

¹ То есть списка самых прибыльных компаний США.

ведя Смоки¹». Можно было подумать, что он шутит, однако Дивайн знал, что у отца начисто отсутствует чувство юмора.

Дивайн получил два Пурпурных сердца, Серебряную звезду и множество других наград. Сослуживцы прозвали его «бешеным громилой». Сам он предпочитал называть себя «везунчиком».

Военную форму он надел тощим парнишкой среднего телосложения, а ушел из армии машиной для убийств ростом в сто восемьдесят шесть сантиметров, судя по замерам армейских врачей. Ему удалось нарастить двадцать с лишним килограммов мышц и хрящей. Хватка стала крокодилей, выносливость зашкаливала; умение убивать и не быть убитым подняло его на вершину пищевой цепочки, поставив рядом с косатками и большими белыми медведями.

Со временем Дивайн дослужился до звания капитана и стал с гордостью носить две серебряные планки, но потом вдруг подал рапорт об отставке. Решение далось ему непросто. Дивайн был солдатом до мозга костей. Однако ему не оставалось другого выбора.

После этого он целый месяц просидел дома, размышляя, чем теперь заняться, а старые товарищи наперебой звонили ему и засыпали письмами и сообщениями с вопросами о том, какая муха его укусила. Он не отвечал. Сказать было нечего. Дивайн всегда легко находил нужные слова, но на сей раз он не знал, чем объяснить свой поступок.

После одиннадцатого сентября у него как у военнослужащего были льготы на обучение. Так Дивайну удалось наскрести деньги на университет. Справедливая плата за

¹ Медведь Смоки — талисман лесной службы США, помогающий просвещать общество насчет опасности лесных пожаров.

то, что он едва не отдал жизнь за родную страну. В итоге Дивайн получил диплом экономиста.

В «Коул и Панч», крупной инвестиционной компании, куда удалось устроиться на позицию аналитика начального уровня, Дивайн выделялся на фоне других стажеров, поскольку был намного старше. Отправляясь на собеседование, он знал, что вызовет немало вопросов. Его дежурно поблагодарили за службу и все-таки взяли: видимо, решили закрыть квоту на ветеранов. Дивайна мало заботили причины — главное, что он оказался на работе, не доставлявшей ему особого удовольствия.

«Лишь бы, — думал он, глядя в окно, — меня от нее тошнило».

Он пробовал садиться на более поздний рейс, но тогда в вагоны набивалось слишком много народу. Дивайн хотел приезжать первым: тот, кто приходит первым, чаще побеждает. Этому он тоже научился в армии.

Поэтому каждое утро он садился на рейс в 6:20 и, наказывая себя, ехал в город. Какой бы тошнотворной ни казалась ему работа и вся его новая жизнь, это была слишком легкая кара за содеянное.

ГЛАВА 2

Поезд в 6:20 ехал сквозь пасторальный пейзаж, окружавший мегаполис немислимых размеров. По пути состав подбирал людей на станциях, расположенных в маленьких городках, которые существовали исключительно затем, чтобы обслуживать голодного гиганта на юге. Наконец поезд проехал мимо анклава домов, стоивших немислимые деньги. Их и домами-то назвать язык не поворачивался. Машины размером с торговый центр называться должны соответственно: даже не «особняки» или «поместья», а скорее «дворцы».

Дивайн, как всегда, проезжая мимо этих мест, поднял голову. Всякий раз за окном появлялось новое строение. Приезжали цементовозы с полными баками, выкапывали очередной бассейн; дома росли и вширь, и ввысь; появлялся то гостевой домик, то лужайка для гольфа. Зато люди получали новые рабочие места, поэтому в жадности и претенциозности тоже имелась своя польза.

Поезд замедлил ход, приближаясь к повороту, и лениво пополз вверх к изнашивающей от жары вершине холма. Там он затормозил еще сильнее, потом и вовсе остановился. Как всегда, возникла заминка с переводом стрелок — работники железной дороги то ли не могли ускорить процесс, то ли не хотели. Там, где царит монополия, никому нет дела до мелких неудобств, это такая же истина, как и та, что Солнце вращается вокруг Земли.

Когда поезд окончательно замер, Дивайн увидел женщину. Опять, в который раз с начала лета. Странно, что она вставала в такую рань — зато радовала глаз.

С вершины холма открывался прекрасный обзор на внутренний двор. Дивайн знал, что существуют ограничения на высоту стен; владельцы здешних дворцов нарочно высаживали вдоль ограды деревья. Однако здесь, именно в этом месте, между нижними ветками и верхней частью стены образовалась довольно-таки широкая щель, сквозь которую можно было разглядеть, что происходит внутри.

Разумеется, когда-нибудь владелец обнаружит и исправит свою оплошность, но Дивайн мечтал, чтобы это произошло как можно позднее. Он чувствовал себя эдаким Джимми Стюартом из «Окна во двор»¹, лучшего

¹ «Окно во двор» — детективный фильм Альфреда Хичкока, снятый в 1954 году по одноименному рассказу Уильяма Айриша. Главный герой, фоторепортер, прикованный из-за сломанной ноги к инвалидному креслу, от скуки подглядывает за соседями.

фильма про вуайеристов всех времен и народов. В окно Дивайн смотрел не потому, что у него была сломана нога и он маялся со скуки, как пресловутый герой. Нет, он смотрел из-за *нее*.

Из задних дверей самого большого дворца в этом анклавe неторопливо вышла женщина. Она вышагивала — по-другому не скажешь. Красавица двигалась размеренно и пластично, словно пантера, которая разминается перед атакой. Бедрa, ягодицы, плечи — все плавно перетекало в ритме первобытного танца.

Дом, маячивший у нее за спиной, был выстроен в стиле модерна — весь из стекла, металла и бетона затейливых геометрических форм. Такое мог придумать только архитектор, от души нюхнувший кокаина. Одетa барышня была в короткий белый халатик, плотно облегавший загорелые бедра. Сняв его, она обнаружила изумрудно-зеленый купальник и настолько безупречные формы, что они не могли принадлежать живому человеку. Светлые волосы девушки были уложены в затейливую прическу, которая, наверное, стоила дороже, чем весь костюм Дивайна.

Он оглянулся: кто-нибудь еще на нее смотрит? Разумеется, на красотку пялились все мужчины без исключения. Одна из женщин тоже подняла глаза, увидела девушку за окном, посмотрела на соседей, прилипших к стеклам, и, скривившись от отвращения, вновь уставилась в экран ноутбука. Две другие пассажирки, одна лет сорока, одетая как хиппи, и вторая, лет семидесяти, не подняли глаз. Первая смотрела в телефон, старушка же усердно читала Библию, призывавшую усмирять грешную плоть.

Девушка в бикини потрогала накрашенным ноготком на ноге воду в бассейне, чуть заметно поежилась и прыгнула. Изыячно проплыла до противоположного края, оттолкнулась от него и вернулась в исходную точку. Выбравшись, села на бортик лицом к воде. Ни поезда, ни жадно прилипших к окнам лиц она словно не замечала. Впро-

чем, с такого расстояния можно было разглядеть разве что блестящие на солнце стекла.

Намокнув, и без того крошечный купальник еще больше съезжился, и тяжелые груди повисли в двойных чашках. Девушка посмотрела налево, направо, затем на дом позади себя. Неожиданно сняла лиф и трусы. Уселась на бортик совершенно голая, демонстрируя границу белой и загорелой кожи. Посидев немного, снова прыгнула в воду.

В этот самый момент поезд тронулся, и за окнами появился следующий дворец, уже без голой красавицы в бассейне. Здешний хозяин высадил не деревья, а высокий густой кустарник с кипарисами, не оставляющими щелей.

Почти все мужчины в вагоне глухо застонали от разочарования и экстаза. Дивайн обвел соседей взглядом. Кое-кто посмотрел в ответ, улыбнулся, покачал головой и одними губами прошептал: «Охренеть, что это было?!»

Раньше девушка не раздевалась. Дивайн ломал голову, что на нее нашло: неужто просто дурацкий порыв? Ему всегда было интересно, что за люди живут в этом дворце. Дивайн знал его владельца и порой гадал, что тот делает с имеющейся у него прорвой денег. Одни богачи становятся филантропами, другие скупают гору дорогих игрушек.

Дивайн обещал себе, что если когда-нибудь разбогатеет, то не станет тратить деньги на всякие безделушки. Лучше отдаст все, что есть, на благотворительность.

«Ну да, конечно...»

На станции вошли новые пассажиры. На следующей — еще больше.

Оглядывая попутчиков — в основной массе мужчин и женщин двадцати с небольшим лет, которые сидели с включенными ноутбуками на коленях, просматривали почту, изучали документы, настраивали презентации и строили